

ОЛЕГ АНАНЬЕВ

КНЯГИНЯ

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
А64

Серия основана в 2024 году

Ананьев, О. В.

А64 Княгиня : роман / Олег Ананьев. — Минск : Четыре четверти, 2025. — 268 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-730-8.

Князь Фёдор Иванович Паскевич и его супруга княгиня Ирина Ивановна получают в наследство величественный гомельский дворец. Умная, добрая, княгиня щедро дарит гомельчанам внимание и любовь, занимается образованием, медициной, строит школы, помогает сиротам, обездоленным, сбежавшему из тюрьмы революционеру. Восхищённая трудолюбивым мальчишкой, продающим на улице булочки, Ирина Ивановна отправляет его учиться в Европу. Вернувшись в Гомель, Абрам Брук теперь будет лечить людей в возведённой меценаткой глазной больнице.

На страницах романа «Княгиня», будто в эпизодах кинофильма, автор показывает, как тесно судьбы многих людей связаны с происходящими событиями. В Гомеле создаёт свои шедевры талантливый архитектор Станислав Шабуневский, совершают подвиги отважные коммунары во главе с Иваном Ланге, юная Мария переживает за любимого Митьку Ергунёва... А вот вор Мишка Нос пытается завладеть легендарным чёрным бриллиантом — семейной реликвией Паскевичей.

Книга читается легко, на одном дыхании, с захватывающим интересом.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-730-8

© Ананьев О. В., 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

Все мы связаны, один через другого, с временем и вечностью. При этом прошлое не только учит, оно скорее воспитывает человека думающего и свободного в своих суждениях.

Глава I

«Любое супружество, счастливое или незавидное, бесконечно интереснее и значительнее любого романа, даже самого страстного», — Иван Фёдорович Паскевич наставлял сына, окрашивая слова то интонациями нравочений, то оттенками доверительной беседы. И всё же сначала эти доводы наследнику показались странными. Их глубокий смысл стал понятен годам к тридцати — и Фёдор Иванович Паскевич решил жениться.

В 1853 году в Санкт-Петербурге игралась свадьба, которая стала событием в жизни столичного общества. В неполные восемнадцать лет выходила замуж наследница именитого дворянского рода, дочь обер-церемониймейстера, действительного тайного советника, дипломата, графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова графиня Ирина Ивановна.

Её мать, Александра Кирилловна, происходила из рода царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, жены царя Алексея Михайловича и матери Петра I.

К роскоши Нарышкиных, а они были одними из самых богатых в России, прибавилась ещё более немислимая роскошь Воронцовых-Дашковых.

Ивану Илларионовичу Воронцову-Дашкову принадлежал в числе многих дворцов и угодий и роскошный дворец на Английской набережной в Петербурге. Именно в этом дворце он давал блестящие балы, которые составляли всегда «происшествие светской жизни столицы». Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба переносят в то далёкое прошлое: «Февраль, 6-го,

1841 года. Масленица. Что за прелесть балы в Петербурге! Граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков даёт бал: 200 человек званы в час; позавтракав, они примутся плясать, потом будут обедать, а вечером в 8 часов званы ещё 400 человек».

Душой и хозяйкой салона Воронцовых-Дашковых была Александра Кирилловна, одна из первых красавиц российской столицы. Попасть в её блестящий и самый модный салон считалось великой честью. Здесь проводились не только самые пышные балы — здесь умели ценить ум и талант.

В доме Воронцовых много внимания уделялось литературе, у них собирались известные русские писатели и поэты, в числе которых был и Пушкин. Те, кто общался с поэтом, более всего запомнили его весёлый ребяческий смех, фейерверк остроумных, блистательных фраз и добродушных шуток.

Бывал у Воронцовых и Лермонтов. «Неожиданно в вихре танца все увидели Лермонтова... Августейшие особы были решительно недовольны: считалось в высшей степени дерзким и неприличным, что офицер опальный, отбывающий наказание, смел явиться на бал, на котором были члены императорской фамилии».

Граф Соллогуб поймал Лермонтова и на ухо шепнул, чтобы он незаметно покинул бал, опасаясь, что того арестуют. Хозяин, проходя мимо, бросил: «Не арестуют у меня!»

И всё же Александра Кирилловна была вынуждена вывести его через внутренние покои, а поэт дурачился и никак не отпускал красавицу...

О её остроумии говорил весь Петербург и не только. Много позже, в Париже, когда Луи-Наполеон стал президентом Французской Республики и прокладывал путь к императорскому трону, Воронцова-Дашкова дерзко могла пустить колкую остроту даже в его адрес. На балу в своём дворце Наполеон поинтересовался — то ли из вежливости, то ли от скуки, — долго ли она намерена оставаться в Париже. Воронцова-Дашкова парировала:

— А сами Вы, господин президент, долго собираетесь оставаться здесь?

Глава 2

Дети Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова и Александры Кирилловны — дочь Ирина и сын Илларион — получили хорошее домашнее образование, восхищали блестящим знанием нескольких иностранных языков.

Ирина унаследовала от матери не только женское очарование и изящество, но и внутреннюю привлекательность, живой ум. Про таких говорили: «Все козыри на руках». Даже в самом просвещённом обществе она слыла очень образованной, большим знатоком античной и современной истории, литературы и искусства, чем вызывала восторг, удивление и зависть.

Ирина хорошо знала, что бал — место, где не только танцевали, играли и сплетничали, но и высматривали состоятельных женихов и невест с приданным. В узких кругах самые смелые обсуждали вопросы государственного устройства и политики. Здесь философствовали и галантно ухаживали, усваивали азы хороших манер, «светских приличий»!

Все эти маскарады, балы по образу и подобию французских увеселений оставляли за собой послевкусие театра за счёт примерки чудных ролей. Светской публике долго помнился «Китайский маскарад» 1837 года, на который сам Николай I нарядился мандарином! Но юная Воронцова-Дашкова находила куда большее удовольствие от посещения оперного театра, особенно Мариинского, названного в честь женщины — императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

Доставляли ей радость и занятия художественной вышивкой. Но ни с чем не сравнимое наслаждение приносило чтение книг, которые были её собеседниками. Ирина занималась литературными переводами и сочиняла небольшие рассказы, содержавшие нравоучительные уроки и загадочные странности.

Как в ней уживались благоразумие и импульсивность, поэтическое и мистическое, она сама не понимала. Да, девушка являла собой очаровательную тайну. Вела себя с достоинством, но не горделиво, женственно, но без кокетства. Не склонная к жеманству, вызывала всеобщее обожание.

Не мог не обратить на неё внимания и один из почётных гостей салона Александры Кирилловны Фёдор Иванович Паскевич — сын прославленного фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича, светлейшего князя Варшавского, графа Эриванского.

...Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Именно такой героический портрет Ивана Паскевича создал Александр Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина».

Иван Фёдорович Паскевич отличился не только на Бородино, но и в войнах с Персией и Турцией. В историю России он вошёл и тем, что не проиграл ни одного сражения, стал кавалером всех четырёх степеней ордена Святого Георгия!

Его высокие титулы венчал фельдмаршальский жезл, полученный после подписания Адрианопольского мира в 1829 году. Тегеран заплатил огромную контрибуцию в размере двадцати миллионов рублей серебром, миллион из которых достался Паскевичу.

Супруга Ивана Фёдоровича Елизавета Алексеевна Паскевич по отцу приходилась двоюродной сестрой писателю и дипломату А. С. Грибоедову, а по матери была в дальнем родстве с Пушкиным.

Судьба шурина Паскевича Александра Грибоедова, автора комедии «Горе от ума», полна драматических событий. Как русский посланник в Иране, Грибоедов стал одним из авторов выгодного для России и крайне невыгодного для Персии Туркманчайского мирного договора. За что пал жертвой разъярённой толпы, которая разгромила российское посольство в Тегеране и убила всех работавших в нём дипломатов.

Елизавета Алексеевна искренне любила своего доблестного супруга, стала матерью троих дочерей (вторые роды — двойняшки). Любящий муж, довольный, что преуспел и в создании потомства, всё же ждал сына — наследника. И ожидания оправдались.

Однако, каким бы ни был желанным сын, общение отца с ним во всех дворянских семьях наступало тогда, когда мальчик становился юношей.

Уже при первом диалоге с сыном Иван Фёдорович понял, что его отличал глубокий ум и рассудительность. Но вот напористости, боевитости в его суждениях было недостаточно, по мнению отца. И всё же сын проявлял смелость иметь свои суждения, а не раболепие.

Да, в отличие от своего увенчанного лаврами отца, Фёдор Паскевич звёзд с неба не хватал, хотя до генеральской звезды и дослужился. В молодости вместе с отцом он принимал участие, в частности, и в Крымской войне 1853–1856 годов, которая завершилась не совсем удачно для России.

Рассуждая о тактике и стратегии сражений, Фёдор Иванович вынужден был признать, что любая военная кампания — «большая игра», похожая на шахматную партию между соперниками-государствами. Сложность состояла в том, что в этой игре «чёрных» и «белых» вы порой чувствуете себя непонятно какой фигурой, да ещё и с завязанными глазами. У него были иные представления о предназначении и смысле жизни...

Сыграв в 1853 году знатную свадьбу, молодожёны поселились в доме Паскевичей на Английской набережной в Петербурге. Украшенный Паскевичем-отцом всевозможными предметами искусства и собранием оружия особняк был открыт для гостей.

Не любительница великосветских балов, молодая княгиня успела устроить в этом роскошном особняке домашнюю театральную залу и сама исполняла различные роли на сцене. Она даже привлекла венгра-дипломата к игре в своём домашнем театре.

Глава 3

Високосный 1856-й год дал Паскевичам о себе знать с самого начала. 20 января почил Иван Фёдорович: сказались последствия контузии ядром во время Дунайской кампании Крымской войны.

Смерть настигла фельдмаршала в Варшаве, где он после подавления мятежа был назначен императором наместником в Польше. Он покинул земную жизнь в возрасте семидесяти трёх лет... Достаточно долгий жизненный путь, если учесть, что за это время сменилось правление четырёх императоров.

Незадолго до кончины фельдмаршал Паскевич завещал в фонд Государственного инвалидного капитала пятьдесят тысяч рублей серебром. На эти деньги он просил содержать ежегодно двести человек увечных нижних чинов (изувеченных и тяжело раненых солдат).

По отпевании тела в кафедральном Свято-Троицком соборе останки Ивана Фёдоровича Паскевича, по его желанию, предали земле в селе Ивановском. Во всех войсках и в целом Царстве Польском объявили траур на девять дней, в течение которого все театры были закрыты.

Отметив сорок дней со дня кончины отца, Фёдор Иванович задумал перевезти его прах в Гомель и перезахоронить в часовне-усыпальнице у стен собора Петра и Павла, для чего требовалось отстроить семейную усыпальницу. Это была одна из причин, почему он стал собираться в гомельское имение, что располагалось в Могилёвской губернии.

Фёдор Иванович получил в наследство восемьдесят пять тысяч десятин земли. Это огромное богатство, как упавшая с неба комета, вторглось в судьбу, резко изменив размеренный уклад жизни четы Паскевичей.

Глава 4

Фёдор Иванович пока не собирался брать в поездку в гомельское имение юную супругу. Будучи на двенадцать лет старше, опасался, что дальний путь ей, привыкшей с детства к комфорту, будет в тягость. «Не думаю, что Ирина Ивановна пожелает оставить занятия театром. К тому же неудобства в дороге... Это всё может сказаться на здоровье, ведь ей едва исполнился двадцать один год», — размышлял Фёдор Иванович. И он уверенно высказал свои сомнения княгине, на что она неожиданно парировала:

— Уверяю, Ваши опасения напрасны. Долг супруги и не такие тяготы переносить. А жёны декабристов?

— Слава Богу, я не декабрист.

— Неудобства в пути лишь сблизят нас. Мы будем вознаграждены сторицей. В Гомеле нас ждёт обустроенная усадьба.

— Что ж, весьма благородно с Вашей стороны, милостивая сударыня.

Супруга ответила с теплотой:

— Милостивый сударь, смею Вас поправить: благородны герои, совершающие подвиг во имя отечества. К примеру, Вы. Я не из их числа. Этого достойна, скорее всего, Ваша матушка, Елизавета Алексеевна, которая почти все годы не расставалась с мужем и сопровождала его во всех служебных назначениях в Вильно, Тифлис, Варшаву...

Фёдор Иванович ещё раз попытался привести разумные доводы, способные уберечь от тягостной поездки.

— Отрадно, что Вы так преданны и честны, но...

— Но не в Сибирь же направляемся, — настойчиво возразила княгиня. — Позвольте напомнить Александра Сергеевича Пушкина: ещё четверть века назад поэт писал, что Татьяна Ларина до Москвы, кажется, из псковской деревни «семь суток ехали оне»...

Цитата Пушкина вызвала у Фёдора Ивановича улыбку. Вздыхнув, он продолжил:

— Дороги оставляют желать лучшего и поныне. И всё же я Вас обрадую, душа моя: со времён Пушкина кое-какие изменения произошли. В 1850 году через Гомель проложена шоссейная дорога Петербург — Киев. И всё равно это долгий путь, я опасаясь за Ваше здоровье.

— Вот дорога как раз и будет способствовать укреплению духа и тела.

Фёдор Иванович внутренне ахнул от упрямства своей молодой, но настойчивой супруги. «Что ж, пусть поедет. До балов, слава Богу, она не любительница. А вот к книгам слишком пристрастна. Оттого и бледна излишне. И главное: наследник нужен, а его всё нет». Вслух молвил сухо, но уважительно:

— On se rassemble. (*Будем собираться**.)

Глава 5

Однако вскоре Фёдору Ивановичу спешно пришлось ехать совсем в ином направлении: из Берлина пришло известие о плохом самочувствии матери...

---

* Здесь и далее курсивом приведён перевод автора.

Графиня Елизавета Алексеевна Паскевич, светлейшая княгиня Варшавская, скончалась в Берлине 30 апреля 1856 года от воспаления лёгких на руках сына и дочери Лобановой-Ростовской. Её похоронили рядом с мужем в селе Ивановском в Польше. (В 1889 году останки Елизаветы Алексеевны и её супруга фельдмаршала Ивана Фёдоровича были перезахоронены в семейной усыпальнице князей Паскевичей, выстроенной сыном в Гомеле.)

«Воспаление лёгких? Не думаю, что в этом истинная причина... Скорее, это следствие тоски. Елизавета Алексеевна искренне любила своего супруга и ненадолго его пережила», — такое объяснение скорого ухода Елизаветы Алексеевны в мир иной находила Ирина Ивановна.

Боль утраты родного человека Ирине Ивановне была уже хорошо знакома: спустя год после её свадьбы умер от холеры горячо любимый отец. Её, как и других родственников, не подпускали к Ивану Илларионовичу, опасаясь заражения.

Приехавшему после похорон матери из Берлина супругу Ирина Ивановна поспешила высказать самые сердечные слова для утешения. Потерявший почти в одночасье родителей, Фёдор Иванович проявил подобающую воинскому чину стойкость. И всё же с заметной дрожью в голосе произнёс: «Если бы не Вы, душа моя, Иринушка...»

Они продолжили сборы к поездке в гомельское имение, как вдруг...

Сообщение из Парижа о смерти матери Ирины Ивановны было подобно и грозе, и молнии среди майского неба: ведь Александре Кирилловне едва исполнилось тридцать восемь лет.

Ещё недавно, в 1854 году после смерти супруга, Александра Кирилловна рассеянно принимала соболезнования: она считала себя вправе быть счастливой и дальше. В тридцать шесть лет уехав в столицу Франции в расцвете красоты и здоровья, она была полна самых радужных надежд. Несметное богатство Воронцовых-Дашковых позволило вести праздный и роскошный образ жизни. В Париже и повстречала её любовь, страстная, ослепительная и безрассудная... Ко всеобщему изумлению, через год Александра Воронцова-Дашкова стала женой француза — доктора медицины барона де Пуайи...

АНАНЬЕВ Олег Валентинович

Окончил Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Работал художником-оформителем, референтом в областной организации общества «Знание», учителем, директором Гомельской картинной галереи Белорусского союза художников, заместителем директора, заведующим отделом литературы по искусству Гомельской областной библиотеки им. В. И. Ленина.

Автор поэтических сборников, инициатор создания и автор книг о гомельских художниках и о православных храмах Гомеля (серия «Любимый Гомель»), а также проекта Гомельской областной библиотеки «Живая память моей семьи» (к 70-летию Великой Победы) и др.

Лауреат многих международных, республиканских и областных литературных конкурсов, в том числе дважды — премии им. Кирилла Туровского. Удостоен нагрудного знака Министерства культуры Республики Беларусь «За вклад в развитие культуры Беларуси».

Член Союза писателей Беларуси, руководитель секции «Проза» Гомельского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Член Белорусского союза художников, Международного союза писателей и мастеров искусств.